

Михаэль Штюмер²

КАК КРИЗИС УГРОЖАЕТ ЗДАНИЮ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Диалог культур и партнерство цивилизаций — это не только благочестивые намерения, но и необходимое, хотя и недостаточное условие будущего мира и процветания.

² Профессор истории Средних веков и Нового времени Университета им. Фридриха-Александра (Эрланген–Нюрнберг), доктор философии, шеф-корреспондент газеты “Die Welt” издательства «Аксель Шпрингер» (ФРГ). В 1980-х гг. был советником по политическим вопросам в правительстве Г. Коля. В 1988–1998 гг. — директор Исследовательского института по международной политике и безопасности Фонда науки и политики в Эбенахаузене. Член Международного института стратегических исследований (IISS).

Автор многочисленных научных статей и публикаций в прессе, а также книг по истории Германии, Европы и трансатлантической политике в отношении Ближнего Востока: “Putin and the Rise of Russia: the Country that Came in from the Cold”; “Welt ohne Weltordnung. Wer wird die Erde erben?”; “The German Empire, 1871–1919”; “The German Century”; “Allies Divided. Transatlantic policies for the Greater Middle East”.

Однако в мире без всеобщего порядка это нелегко осуществить.

Миру постоянно угрожает призрак, который именуется Великой депрессией. Это явление возникло задолго до глобализации нашего времени и означает взаимозависимость между всеми. Она возникла после Первой мировой войны — «матери» всех несчастий, обрушившихся на мир в 1930-е годы. Это ужасное явление не только породило кейнсианскую экономическую теорию, но и погрузило мир в смятение, кульминационной точкой которого стала Вторая мировая война.

Великие финансовые «волшебники» оказались несостоятельны от Ванкувера до Владивостока. И теперь именно государство при помощи мер государственного вмешательства должно «выкупать» тех, кто не так давно считался хозяином мира. Выкупать приходится не ради них, а для блага человечества. В подсознании каждого политика кроется страх возврата к той цепочке событий,

которую «высвободила» Великая депрессия 1929 года. Он стал истинной причиной, объясняющей, почему расходовались крупные суммы на займы для неуспешных компаний с целью их поддержки на всем протяжении от Уолл-стрит до Ломбард-стрит и Таунусанлаге и далее, за их пределами. Это стало побудительным мотивом для протекционистского желания защитить родную страну. Тон был задан премьер-министром Великобритании Гордоном Брауном, который в ноябре 2008 года во время перебоев на рынках, снижения спроса и переизбытка рабочей силы провозгласил лозунг «Работа в Британии — для британцев».

Россия испытала тяжелейшее потрясение с двух сторон. Финансовый кризис, рассматриваемый вначале как заболевание, поразившее другие страны, вскоре охватил и новую российскую финансовую систему, вызвал остановку строительства и начал опустошать государственную казну. В начале февраля 2009 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе Председатель Правительства РФ В. В. Путин признал, что во время разразившейся бури мы все находимся в одной лодке.

Между тем у России возникла дополнительная проблема: в результате снижения спроса на нефть во всем мире цены на нее и природный газ упали ниже предполагаемого критического уровня (гораздо ниже, чем было предусмотрено в государственном бюджете на 2009 г.). В результате миллионы бюджетников оказались в крайне затруднительном положении, предприятия перешли на режим сокращенной рабочей недели и укороченного рабочего дня или вовсе закрылись, последовали демонстрации. Выражаясь абстрактно, можно сказать, что общественный договор оказался под вопросом.

Нефтепотребляющая часть мира замерла в ожидании. Но те, кто получает выгоду от падения цен на нефть, тоже не должны ликовать. При цене нефти ниже 40 долларов за баррель инвестиции в средства производства, например в терминалы, трубопроводы и новые скважины, в большинстве своем сократились. Это будет происходить до тех пор, пока цены на нефть вновь не поднимутся, но на этот раз не за счет повышенного спроса, а из-за сниженной добычи. Отметка в 147 долларов, характерная для лета 2008 года, может быть достигнута вновь и даже повыситься. Основные принципы нефтедобычи и потребления, а также энергетической геополитики не слишком изменились. Если добавить к этому восстановление глобальной экономики — когда бы оно ни произошло, — можно считать, что глобальный кризис завершил полный цикл.

Учатся ли на примерах истории народы и государства? Немецкий философ XIX века Георг Вильгельм Фридрих Гегель, учитель Карла Маркса, несколько туманно выразился по поводу того, что единственное, чему учит история, — что никто не извлекает из нее никаких уроков. Возможно, это так. Но тем не менее следует вспомнить, что случилось после «черной пятницы» на Уолл-стрит в октябре 1929 года. Обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже инициировал нисходящую спираль экономики и как естественное последствие — политические бедствия. Американские инвесторы отозвали свой капитал отовсюду, в значительной мере из Западной Европы, и особенно из Германии. Массовая безработица побудила американского избирателя прибегнуть к демократическому рецепту государственного вмешательства.

Соединенные Штаты Америки, долго колебавшиеся между изоляционизмом и кредо Вильсона «сделать мир безопасным для демократии» (1918), сконцентрировали внимание на запутанных внутренних делах, а также на политике и финансовых вопросах «Нового курса» и сократили обязательства по всей Европе, оставив Старый Свет наедине со своими проблемами. Только после втор-

жения Японии в материковый Китай военно-морской флот США, а также Администрация Президента США обратила внимание на Дальний Восток. При президенте Вудро Вильсоне Соединенные Штаты инициировали создание Лиги Наций, чтобы реализовать вековую мечту о всеобщей системе мира и демократии, но им не удалось придать ей жизненность, облечь ее в «плоть и кровь». После 1929 года идею глобальной миссии заменил экономический и финансовый национализм.

В Европе Веймарская республика, как только начала распространяться депрессия, стала «дрейфовать» от демократии в сторону авторитаризма и тоталитаризма: нацистские лидеры заимствовали идеи из книг Муссолини и Сталина, обозначив себя в роли спасителей германской нации. На самом деле они создали некий сплав внутренней тирании и внешней агрессии. Германия из страны-парии превратилась в величайшую угрозу для международного порядка, оставив далеко позади сталинскую революционную риторику. Положение Великобритании и Франции было дестабилизировано под гнетом промышленного спада, дефляции и массовой безработицы. Они не смогли воспрепятствовать подъему Германии, стремясь к разумному компромиссу и «делая хорошую мину при плохой игре» (*Faisant Bonne Mine au Mauvais Jeu*).

«Работы, работы, работы и достойного прожиточного минимума». Тот, кто смог бы обеспечить жизнь городских и деревенских масс насущно необходимым, был бы встречен с благодарностью как спаситель общества. Британия и Франция продолжали двигаться к гражданскому раздору и политическому параличу вплоть до начала Второй мировой войны. И, так же как и в США, только военные действия способствовали выходу этих промышленных демократий из депрессии. Япония и Германия, а также в некоторой степени и Италия, напротив, избрали путь военной экономики уже на ранней стадии, задействовав огромные капиталовложения для производства все большего количества «пушек и масла» на основе беспощадного займа у народа. Но как бы то ни было, к 1938 году им удалось преодолеть депрессию, излечив свои болезни еще более сильнодействующим лекарством. Была обеспечена полная трудовая занятость — после изгнания и заключения в тюрьмы сотен тысяч — и вновь подтвержден общественный договор: работа в обмен на послушание.

Очевидно, что существовали два или три, включая Россию, пути выхода из кризиса: вариант США, советский и нацистский, в то время как прочие демократии западного типа продолжали страдать и с надеждой ждать лучших времен. Локальные войны, такие как «зимняя война» Финляндии против советской агрессии, Гражданская война в Испании и японская оккупация Маньчжурии, стали генеральной репетицией ко Второй мировой войне. Не обязательно связывать неизбежное окончание Великой депрессии с крупномасштабной войной. Но последняя явилась могущественным посредником и многомерным содействующим фактором.

Может ли такое случиться вновь? История редко повторяется, потому что люди имеют возможность помнить и могут предотвращать несчастья, подобные старым, упреждающими мерами. Но глобальный кризис, который разразился в 2008 году, очевидно, имеет тенденцию привнести в систему международных отношений все самое плохое и хорошее. Однако этот процесс следует воспринимать с той оговоркой, что существует глобальная взаимозависимость — как к лучшему, так и к худшему. Если главный игрок нарушает правила глобальной системы и меняет свой просвещенный эгоизм на политику наживы за счет других, то в этом случае события выходят из-под контроля. Один протекционизм (не важно, как он называется) соответствует другому и т. д.

В отличие от 1930-х годов, в настоящее время ни одна из великих держав не стремится к тому, чтобы нарушить баланс между государствами. Все преследуют собственные интересы, но в крайних случаях (глобальное потепление, профилактика массовых заболеваний или политика сдерживания наркогосударств) эти интересы становятся более взаимосвязанными, скорее дополняющими друг друга, нежели несовместимыми. Кроме того, в этом ряду можно назвать и другие значительные угрозы: от развала системы нераспространения ядерного оружия до пиратства в масштабах Мирового океана.

Грустная история Великой депрессии — это решительное напоминание о той цене, которую придется заплатить, если изоляционизм будет считать преимуществом глобальную ответственность. Теоретически существует возможность договориться, чтобы не получилось как в поговорке: «Каждый за себя, один Бог за всех». Однако на практике, как на национальном, так и на международном уровнях, наблюдается стремление к сиюминутной выгоде за счет долгосрочной потери. Необходимы искусное государственное управление и хладнокровие для того, чтобы провести корабль сквозь бурю.